

Анна Шилд
Ада Огнева

+

ПРИЕМНОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ

Люди
важнее
статуса

Пuls Мажора

Ада Огнева

Пульс мажора

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Пульс мажора / А. Огнева — «Автор», «Автор», 2026

Кирилл Лебедев приезжает в больницу не лечиться, а отбывать наказание: тридцать дней под началом строгой медсестры. Она привыкла спасать жизни и не собирается тратить смену на воспитание избалованного наследника. Он привык нравиться женщинам и никак не ожидал, что получит вместо восхищения очередное поручение. Их перепалки становятся громче, а ночные дежурства — длиннее. Но после аварии красивыми словами уже не отделаешься. Кириллу придётся показать, на что он способен, когда чужая жизнь важнее удобства. И решить, чего он хочет больше: выиграть спор или остаться рядом.

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анна Шилд

Пульс мажора

Пульс мажора
Анна Шилд
Ада Огнева

Глава 1

Автоматические двери приемного покоя двадцать четвертой городской клинической больницы открывались с коротким свистящим вздохом, похожим на дыхание застарелого астматика. Каждый раз, когда створки разъезжались в стороны, внутрь врывалась порция сырого октябрьского воздуха, пахнувшего прелыми тополевыми листьями, выхлопными газами Садового кольца и мелким московским дождем. Следом за сквозняком тянулся знакомый до звона в зубах больничный букет. Дешевый хлорамин, спиртовые салфетки, мокрая шерсть дешевых пальто и сладковатый, тошнотворный дух застарелого человеческого пота.

Я сидела за высокой регистрационной стойкой из поцарапанного белого пластика, упираясь локтями в раскрытый журнал первичного учета. Пальцы сводило мелкой судорогой от непрерывной писанины. На мне был казенный темно-синий хлопковый костюм, выстиранный до легкой белесой ряби на швах, а в левом нагрудном кармане привычно оттягивал ткань толстый синий маркер с перманентными чернилами. Рядом лежала начатая пачка освежающих мятных леденцов. Я выщелкнула один кругляш языком, загнала его за щеку и с силой сдула с ресниц непослушную рыжеватую прядь.

Леденец обжег нёбо ядреным ментолом, ненадолго перебивая вкус остывшего растворимого порошка из картонного стаканчика. Три в одном, купленный в подвальном автомате за сорок пять рублей, отдавал жженым желудевым сахаром и вызывал стойкое желание вымыть рот физраствором. Но спать было нельзя. Пошел пятнадцатый час моей полуторной смены. Пятница только набирала обороты, впереди маячила целая ночь. За съемную однушку возле станции метро Сокол хозяйка требовала деньги ровно первого числа, а банк присылал уведомления по кредиту за стоматологию с безжалостной регулярностью швейцарских кукушек.

Справа от меня у конторки привалился плечом дежурный хирург Паша. Павел Дмитриевич выглядел так, будто его только что пропустили через центрифугу для белья. Зеленая

хирургическая куртка потемнела на воротнике от пота, на лбу отпечатался багровый след от резинки защитной маски, в пальцах дрожал надкусанный бутерброд с докторской колбасой.

— Валерия, накрой меня ветошью и объяви недействительным, — пробормотал Паша, тоскливо глядя сквозь стеклянный тамбур в темноту двора. — Там на въезде опять две кареты мигалками крутят. Первая подстанция везет нам счастье оптовыми партиями. Травматология уже стонет, терапия забита до вентиляционных решеток, на улице даже заморозков нет. Что начнется в гололед, я даже под общим наркозом представлять отказываюсь.

— Меньше драматизма, Павел Дмитриевич, — отозвалась я, аккуратно выводя синим маркером номер карты на очередной серой обложке. — Лучше проверь аккумулятор в первом смотровом. Дефибриллятор с утра свистел при зарядке конденсатора так, будто собирался катапультироваться прямо через подвесной потолок. Если ночью привезут мерцательную аритмию, будешь запускать пациента вручную от розетки чайника.

Паша издал неопределенный горловой звук, проглотил кусок бутерброда и покачал головой.

— Ты безжалостная женщина, Соколова. Никакого сочувствия к благородному сословию эскулапов. В тебе погиб образцовый сержант пограничных войск.

— Во мне просто живет здоровый инстинкт самосохранения. Если комиссия из департамента найдет неподписанный штатив или разряженный прибор, премию снимут с меня, а благородные эскулапы отделаются замечанием. Так что дожевывай свою химическую колбасу и марш проверять электроды.

Стеклянные створки входа с грохотом разъехались шире обычного. С улицы пахнуло волной холодного дождя, заставив меня машинально передернуть плечами. Вместо привычных фельдшеров скорой помощи в оранжевых куртках или согбенных родственников с пластиковыми пакетами на пороге возникло явление, которое в интерьере нашего скоромощного отделения смотрелось абсолютным инородным телом.

Мужчина переступил порог так, словно входил в ресторан с панорамным видом на Патриаршие пруды. На вид ему было около двадцати восьми лет. Высокий, с широким разворотом плеч, безупречной осанкой избалованного спортсмена и той особой, сытой небрежностью движений, какая дается только годами безбедной столичной жизни. Бежевое пальто из тончайшего мягкого кашемира распахнулось на сквозняке, открывая темно-серый шерстяной джемпер итальянской вязки. Но главное безумие скрывалось внизу.

На его ногах сияли ослепительной, прямо-таки вызывающей белизной дизайнерские кожаные кеды. Ручная работа, плотная толстая подошва без малейшего следа уличной пыли, тисненый золотой вензель на высоком язычке. Человек явно вышел из салона представительского автомобиля прямо под зонт личного водителя и ни разу в жизни не ступал по осенней московской жиже.

Я замерла с маркером в воздухе. Паша рядом медленно опустил бутерброд.

Незнакомец сделал два ленивых шага вперед. Подошва одного из белоснежных кедров с влажным чавканьем погрузилась прямо в мутную глинистую жижу, натекающую с колес уличной каталки. На породистом холеном лице с идеальной трехдневной щетиной промелькнула брезгливая судорога. Он замер, посмотрел вниз, словно под его ногой только что взорвалась противопехотная мина, затем достал из кармана пальто тонкий батистовый платок и демонстративно прижал его к кончику носа.

Из-под расстегнутого манжета джемпера на мгновение блеснул круглый золотой корпус швейцарских часов Патек Филипп. Сквозь тяжелый больничный смрад до меня докатилась тонкая, удушливо-дорогая волна цитрусового одеколона с нотами горького нероли и выдержанного кедр.

— Добрый вечер, труженики тыла, — раздался звучный, уверенный баритон, привыкший отдавать распоряжения официантам и администраторам закрытых клубов. — Где тут у вас

прячется руководство этого благотворительного вертепа? Мне велено предстать пред светлые очи главного врача. Судя по амбре, я случайно свернул в химическую лабораторию времен Первой мировой войны, однако долг зовет.

Паша медленно моргнул. Я положила маркер на стойку, сплела пальцы в замок и посмотрела прямо в эти самодовольные серо-голубые глаза. Взгляд парня скользил по мне с ленивой мужской снисходительностью, задерживаясь на моем скромном вырезе и растрепанной челке.

— Гражданин в белой обуви, — я дождалась, пока он закончит осматривать мой вырез, и указала на корзину у двери. — Бахилы лежат в синей корзине у входа. Надевайте, прежде чем идти дальше. У нас здесь скоропомощной стационар, вовсе далекий от подиума миланской недели моды.

Парень усмехнулся углом красивого рта. Он подошел к стойке вплотную, небрежно оперся локтем о пластиковый бортик прямо возле моего журнала и слегка подался ко мне.

— Очаровательно. Люблю строгих девушек в униформе, это всегда интригует. Расслабься, красавица. Я Кирилл Лебедев. Твой новый интерн и по совместительству головная боль всего руководства. Отец посчитал, что несколько недель среди простого народа помогут мне осознать хрупкость бытия после небольшого дорожного инцидента на Садовом кольце. Так что показывай, где у вас тут приличная комната отдыха, кофемашина и нормальный диван. Документы оформим задним числом.

Дорожный инцидент. Вот оно что. В памяти мгновенно шелкнуло утреннее сообщение из городского новостного канала. Бешеный золотой Мерседес с форсированным мотором, устроивший ночные гонки со стритрейсерами, перекрытием трех полос и чудом не впечатавший рейсовый автобус в гранитную опору моста. Вся Москва гудела от возмущения, а сынок медицинского магната Романа Лебедева, владельца гигантской сети частных клиник Лебедев-Медикал, стоял сейчас передо мной в испачканных кедах и снисходительно хлопал ресницами. Папочка решил спрятать отпрыска от уголовного дела под видом благородного исправительного труда в обычной скорпомощной больнице.

— Кофемашина у нас только в мечтах, гражданин Лебедев, — ответила я, глядя ему в переносицу. — Диван занят пациентом с подозрением на педикулез в четвертом боксе. Можете составить ему компанию, если вас так сильно тянет к прекрасному.

Улыбка на лице мажора чуть дрогнула, сменившись холодной надменностью.

— Слушай, девочка, давай без классовой ненависти. Мой отец вчера лично ужинал с вашим министром здравоохранения. Этот цирк с отработкой остается чистой формальностью для протокола комиссии. Я посижу пару часов в ординаторской с планшетом, потом за мной приедет машина, завтра же тебе доставят корзину таких сладостей, о каких ты в своем спальном районе и не слышала. Все довольны, все свободны. Усекла?

— Не усекла, — процедила я, ощущая, как внутри закипает густая, ледяная ярость.

Закончить перепалку я не успела. Из бокового коридора смотрового блока тяжелой поступью выплыла старшая медицинская сестра Тамара Степановна. Наше отделение держалось исключительно на этой монументальной женщине весом под центнер. Накрахмаленный высокий колпак сидел на ее седых волосах подобно гранитной башне, а тяжелый взгляд из-под очков в роговой оправе мог остановить разбушевавшегося хулигана на расстоянии десяти шагов.

Тамара Степановна держала в руках картонную папку с гербовым бланком департамента. Она остановилась в двух шагах от Кирилла, медленно скользнула взглядом по его кашемировому пальто, задержалась на белых кедах в грязи и с сухим треском захлопнула папку.

Кирилл повернулся к ней, расправляя плечи и вновь натягивая светскую маску обаятельного мерзавца. Он протянул руку для рукопожатия.

— Добрый вечер. Вы, должно быть, старший координатор? Я Кирилл Лебедев, прибыл по направлению от...

Тамара Степановна даже не шевельнула пальцем. Рука мажора повисла в воздухе.

— Лебедев Кирилл Романович, — зачитала старшая сестра низким, густым грудным голосом, перекрывающим гул вентиляции. — Личный приказ главного врача номер двести сорок два дробь три. Направлен на полугодовую первичную практику без права врачебных назначений, хирургических манипуляций и ведения документации строгой отчетности. Допущен к работе исключительно в качестве дежурного помощника среднего и младшего медицинского персонала. Опоздание на одиннадцать минут. Внешний вид грубо нарушает санитарно-гигиенические нормы скоромощного стационара.

Мажор дернул уголок челюсти, его холеная спесь дала заметную трещину.

— Послушайте, уважаемая. Мой отец договорился...

— Твой отец, мальчик, просил сделать из тебя человека, — отрезала Тамара Степановна так, что штукатурка под потолком едва заметно вздрогнула. — Он устал вытаскивать тебя из полицейских участков после стритрейсинга на столичных трассах. Главный врач дал мне четкое указание. Никаких поблажек сыновьям спонсоров. Для меня ты просто лишняя пара неумелых рук без всяких привилегий. Громкие фамилии здесь остаются за порогом санпропускника. В этом отделении есть только один начальник — дежурный врач, только один закон — должностная инструкция.

Паша за моей спиной кашлянул в кулак, изо всех сил стараясь сдержать ликующий хохот. Кирилл потемнел лицом. Желваки на его острых скулах напряглись, а пальцы сжались в кулаки, выдавая привычку срывать злость на тех, кто ниже по статусу.

Тамара Степановна повернулась ко мне.

— Валерия, забирай практиканта под личную ответственность. Научи столичного мальчика отличать хирургический лоток от санитарной утки. Проследи, чтобы он вымыл руки с мылом до локтей и не путался под ногами у хирургов. Если от него будет хоть капля вреда — немедленно составляй служебную записку. Лично подпишу представление на отчисление.

Глава 2

С этими словами старшая сестра развернулась на скрипучих резиновых подошвах и величественно удалилась в сторону стерилизационной.

Мы остались втроем. В холле звенела тишина, нарушаемая лишь гудением трансформатора под потолком и каплями дождя, барабанившими в мутные стекла.

Кирилл медленно перевел взгляд на меня. В его серо-голубых глазах больше не было вальяжности. Там плескалась уязвленная, злая мужская гордость человека, которого только что публично выпороли на глазах у подчиненных. Он шагнул ко мне вплотную, уперев ладони в край регистрационного стола, так что я почувствовала тепло его дыхания.

— Ну что, сестричка, торжествуешь? — процедил он полушепотом. — Думаешь, натянула поводок? Давай начистоту. Ты ставишь мне отметку в журнале о присутствии, я исчезаю до утра, завтра в твоём шкафчике будет лежать флакон французских духов, за которые ты обычно отдаешь всю свою месячную зарплату. Или назови сумму. Сколько тебе надо, чтобы закрыть глаза и не отсвечивать?

Я посмотрела на его холеные, гладкие пальцы без единой царапины. На золотые часы. На тонкую ткань джемпера.

Перед глазами всплыли мои собственные бессонные ночи, вечно ноющая спина после тяжелых носилок, синяки от металлических перил каталок и унижительный подсчет копеек на кассе в супермаркете перед днем зарплаты. Этот надушенный бездельник, чуть не разбивший рейсовый автобус на скорости двести километров в час, всерьез полагал, будто мир вертится вокруг содержимого его бумажника.

Я медленно сняла колпачок с синего маркера. Раздался отчетливый, сухой шелчок.

Взяв чистый бланк экстренного направления, я размашисто, на весь лист вывела жирную цифру двенадцать. Я пододвинула бумажку к его ладоням, перекрыв ею вид на золотые часы. Пусть теперь любитесь номером своего шкафчика.

— Флакон духов оставь себе, Лебедев. Тебе сегодня предстоит долго пахнуть хлоркой, парфюм заглушит аромат победы. План такой. Цокольный этаж, лестница в конце коридора, седьмая дверь налево. Раздевалка хозяйственной части. Твой шкафчик номер двенадцать. Твой сосед — дядя Гриша, наш бессменный плотник и санитар морга. У него там сушатся шерстяные портянки и настойка валерианы, так что твой итальянский кашемир быстро пропитается духом подлинной медицины. На складе получишь комплект синей рабочей спецодежды и резиновые шлепанцы. Ровно через десять минут жду тебя здесь.

Кирилл остолбенел. Воздух в его легких застрял комом.

— Ты... ты в своем уме? Я не надену обноски после ваших плотников!

Я посмотрела на наручные часы Паши.

— Девять минут сорок секунд, интерн Лебедев. Если через девять минут ты не будешь стоять здесь при полном параде, я кладу на стол Тамаре Степановне рапорт об отказе выполнять распоряжения. Твой папочка уже к утренней чашке кофе узнает, что его гордость вылетела из больницы с волчьим билетом в первый же вечер. Время пошло.

Мажор с такой силой сгреб листок с цифрой двенадцать, что бумага жалобно хрустнула в его кулаке. Он смерил меня взглядом, в котором горело неприкрытое, ядовитое бешенство.

— Ты еще пожалеешь об этом, Соколова, — выплюнул он сквозь зубы.

— Обязательно, — кивнула я, пряча маркер обратно в карман. — Но позже. А сейчас бегом марш в подвал. Кеды свои сними, не позорь приличное медицинское заведение.

Спустя двадцать минут приёмный покой гудел на пределе возможностей. Осенний пятничный вечер щедро одаривал нас уличными драмами. В первом боксе надрывно стонал подвыпивший кровельщик с распоротой ладонью, у процедурного кабинета плакала испуганная

девушка с ожогом от чайника, а за мутным стеклом тамбура уже мигали синие проблесковые маячки очередной скорой.

В коридоре раздался странный, шаркающий звук. Нечто среднее между шлепаньем мокрых ласт по мостовой и скрипом несмазанной телеги.

Процедурная сестра Катя, набиравшая в шприц обезболивающее, первой замерла со стеклянной ампулой в руке. Ее глаза округлились, губы задрожали, секунду спустя она торопливо уткнулась носом в карман халата, давясь беззвучным смехом.

Со стороны подвальной лестницы неспешно, пытаясь сохранить царственную осанку, шествовал Кирилл Лебедев.

От столичного денди в кашемире не осталось и следа. Наследник медицинской империи предстал перед нами в мешковатых хлопчатобумажных штанах ядовито-синего казенного цвета, сшитых на богатыря пятидесятого размера. Поясная веревка была затянута на три узла, ткань пузырилась на бедрах причудливыми складками, грозя сползти при каждом широком шаге. Бесформенная куртка из грубой парусины свисала с широких плеч, открывая застиранный ворот с печатью прачечной хозяйственного блока.

Однако истинным триумфом больничной моды стала обувь. На ногах мажора красовались ярко-синие резиновые шлепанцы фабрики Красный богатырь с тисненым геометрическим узором на союзке. Кирилл надел их прямо поверх своих тонких, черных шелковых носков. Шлепанцы были велики ему как минимум на два размера. При каждом шаге резина с чавканьем отставала от пятки, заставляя парня судорожно поджимать пальцы и нелепо балансировать руками.

Паша у регистрационной конторки медленно опустил фонендоскоп на шею, прищурился и издал долгий восхищенный свист.

— Париж рыдает, Милан в глубоком обмороке, — протянул дежурный хирург с неподдельным восторгом. — Лебедев, этот благородный ультрамарин фантастически оттеняет твою трехдневную небритость. Тебе непременно нужно сфотографироваться для ежегодного вест-

ника городской клинической фармакологии. Раздел инновационных средств индивидуальной защиты.

Кирилл подошел к стойке. Желваки на его челюсти ходили ходуном с такой силой, будто он перетирал в порошок гранитные булыжники. Пальцы побелели от напряжения, глаза метали молнии, но голос он попытался сделать максимально небрежным.

— Повеселились? Рад за ваше убогое чувство юмора. Где мое рабочее место? Надеюсь, стул хотя бы протирают спиртом?

Я медленно поднялась со своего места, придирчиво оглядывая плоды трудов дяди Гриши.

— Твое рабочее место на ближайшие часы снабжено четырьмя колесами, интерн Лебедев. Травматологическое крыло, дальний тупик возле рентгеновского кабинета. Там припаркована каталка номер четыре. Доставить сюда к первой смотровой ровно за пять минут. Бригада везет перелом шейки бедра со строительных лесов, больного придется перекладывать прямо у раздвижных дверей. Справишься с задачей для подготовительной группы детского сада?

Кирилл криво усмехнулся, вздернув подбородок.

— Каталку привезти? Ты серьезно думала напугать меня доставкой металлической тележки? Засекай три минуты, Соколова. Смотри и учись, как работают мужчины.

Он резко крутанулся на пятках. Правый резиновый шлепанец предательски соскользнул на мокром кафеле, мажор взмахнул руками, едва не сбив плечом стойку с санитарными бюллетенями, чудом удержал равновесие и гордо зашагал по коридору, громко шлепая резиной по полу.

Паша проводил его сочувственным взглядом.

— Зря ты так с мальчиком, Валерия. Он же не знает специфики четвертого номера.

— Вот и познакомится, — сухо ответила я, вытаскивая из лотка чистые спиртовые шарики для обработки вены. — Практическая медицина начинается с физики твердого тела.

Каталка номер четыре была живой легендой нашего приемного покоя. Этот монументальный памятник тяжелого советского машиностроения помнил еще зимнюю Олимпиаду восьмидесятого года. Сваренная из толстостенных никелированных труб рама весила добрых шестьдесят килограммов, вытертый дерматиновый матрас болотного цвета хранил следы десятков поколений пациентов, четыре цельнолитых чугунных колеса обладали собственным строптивым характером.

Переднее левое колесо каталки номер четыре находилось в перманентной коме. Оно застряло под углом в девяносто градусов, намертво заклиненное многолетними хлопьями ржавчины, окаменевшим солидолом и плотным пучком ниток от марлевых бинтов. Медсестры отделения знали секрет. Чтобы разблокировать строптивый агрегат, требовалось нанести удар каблуком по нижнему кулачку тормозной педали. Но мажор этого тайного знания не имел.

Из глубины коридора послышался глухой металлический скрежет, сменившийся яростным мужским пыхтением.

Кирилл вцепился в хромированные поручни обеими руками, уперся плечом и изо всех сил толкнул конструкцию вперед. Каталка вздрогнула, издала пронзительный визг, похожий на визг испуганного поросенка, и резко вильнула влево, с глухим стуком впечатавшись резиновым отбойником в выкрашенную масляной краской стену. Сидящие в коридоре бабушки дружно охнули и подобрали ноги.

— Да пошла ты! — донесся до стойки сдавленный рык столичного плейбоя.

Кирилл дернул каталку на себя. Шлепанцы заскользили по скользкому линолеуму, тонкие шелковые носки прокручивались внутри резины, напрочь лишая его сцепления с поверхностью. Лоб мажора мгновенно покрылся крупными каплями пота. Дорогая клубная стрижка растрепалась, пряди прилипли к вискам, парусиновая куртка на спине промокла темным пятном. Годы празднотания по барам, кальянным залам и закрытым вечеринкам дали зако-

номерный результат. Обычная физическая нагрузка вышибла из него дыхание за полторы минуты.

Кирилл навалился на перекладину всем весом своих восьмидесяти килограммов. Чугунные колеса со стоном провернулись, оставляя на желтом линолеуме жирный черный след паленой резины.

— Давай, шевелись, кусок металлолома! — сквозь зубы хрипел интерн, пытаясь проломить сопротивление непослушной телеги грубой силой.

Он разогнал непокорного монстра по длинной прямой коридора. Каталка набрала приличный ход, сотрясая пол тяжелой металлической вибрацией. Кирилл решил триумфально влететь в холл на полной скорости, доказав всем свое превосходство.

Это стало его роковой тактической ошибкой.

Глава 3

На повороте возле первой смотровой заклинившее левое колесо окончательно закусил металл. Каталка резко встала на дыбы, совершила дикий пируэт вокруг своей оси и на полном ходу протаранила массивный дубовый косяк дверного проема.

Удар был такой силы, что со стен смотровой посыпалась мелкая штукатурка.

От мощного сотрясения стоявший у входа высокий хромированный штатив для внутривенных капельниц дрогнул. Тяжелая чугунная крестовина потеряла равновесие, длинная стальная стойка качнулась и с оглушительным звоном рухнула на пол, подобно подрубленному фонарному столбу.

Падая, стойка зацепила угол манипуляционного столика процедурной сестры. Стоявший на краю тяжелый эмалированный лоток подлетел в воздух, перевернулся и с грохотом шлепнулся на кафельные плитки.

Сотни стерильных деревянных шпателей, марлевые салфетки, рулоны бинтов и ватные шарики веером брызнули во все стороны, устлая пол толстым белым ковром под ногами стонущих пациентов. Следом за шпателями полетела стеклянная десяти миллилитровая ампула новокаина. Раздался резкий хруст стекла, по коридору пополз острый аптечный запах.

В приемном покое воцарилась мертвая, оцепеневшая тишина.

Даже стонущий в боксе кровельщик захлопнул рот, завороченно глядя на эпицентр погрома. Паша прижал ладонь ко лбу, беззвучно сотрясаясь от смеха. Катя зажала рот обеими руками, округлив глаза от ужаса.

Посреди этого стерильного разгрома стоял Кирилл Лебедев.

Зрелище получилось монументальное. Мажор согнулся пополам, тяжело упираясь ладонями в колени и жадно глотая воздух открытым ртом. Холеный подбородок блестел от пота, ворот парусиновой робы сполз на правое плечо, обнажая ключицу, а правый резиновый шле-

панец сиротливо валялся в двух метрах позади, возле разбитой ампулы. Кирилл остался стоять на холодном кафеле в одном черном шелковом носке.

Понимая, что на него смотрит добрый десяток пар глаз, мажор судорожно попытался спасти остатки мужского достоинства. Он выпрямился, дернул головой, отбрасывая со лба мокрую челку, и закричал сорванным, злым фальцетом на все отделение.

— Это не больница, это гребаный музей пыток! Вашу рухлядь пора сдать на переплавку вместе с фундаментом этого сарая! Нормальный человек физически не способен управлять этой грудой ржавого железа! У нее колеса приварены насмерть! Вы здесь людей калечите еще до того, как они до палаты доедут!

Я медленно вышла из-за регистрационной стойки.

Я обходила осколки в белых кожаных сабо. Кирилл ждал разноса и набирал воздух для нового крика. Я остановилась у колеса; он проследил за моим взглядом и наконец замолчал.

Я остановилась возле перекошенной каталки, даже не удостоив мажора взглядом.

Я ударила носком правого сабо по нижнему стопорному кулачку тормозной педали. Кирилл наклонился, пытаясь разглядеть, куда пришелся удар.

Раздался сухой, звонкий металлический щелчок.

Ржавая пружина освободилась, стопорная пластина отскочила на место, левое чугунное колесо мягко встало на рабочую ось.

Я положила одну ладонь на хромированный поручень и легко, без малейшего физического усилия, буквально двумя пальцами выкатила огромную громоздкую каталку на середину коридора. Колеса бесшумно скользнули по линолеуму, повинаясь малейшему движению моей кисти.

Затем я медленно повернула голову и посмотрела на Кирилла.

Мажор так и застыл с открытым ртом, балансируя на одной ноге и судорожно поджимая пальцы в черном носке.

Мой голос прозвучал тихо, негромко, однако благодаря безупречной акустике больничного коридора каждое слово отпечаталось в воздухе подобно свинцовой пломбе.

— У техники просто аллергия на кривые руки, интерн Лебедев. А у тебя, судя по клинической картине, тяжелая врожденная патология. Хронический дефицит совести, помноженный на абсолютную непригодность к элементарным жизненным процессам.

Паша за конторкой не выдержал. Он от души, звонко захлопал в ладоши.

— Браво, Соколова! Диагноз века! Внесите в протокол утренней конференции!

Катя окончательно сползла под стол, захлебываясь смехом в медицинскую карту. Даже пожилой санитар дядя Гриша, выглянувший из подсобки с разводным ключом в руке, довольно крякнул и одобрительно покачал седой головой.

Уши и шея Кирилла мгновенно налились густой, бурачной краской унижения. Я видела, как бешено забились жилки на его шее, как сжались кулаки, оставляя белые следы на смуглой коже. Если бы взглядом можно было испепелять, от приемного покоя осталась бы лишь горстка серого пепла.

Я сделала шаг ближе, указав пальцем под ноги столичного гостя.

— Шпатели собрать до единого. Упаковки бинтов рассортировать. Разлитый новокаин вытереть ветошью насухо. Ровно пять минут, доктор медицинских наук. Если через пять минут на этом кафеле останется хоть одна щепка, я лично вызову Тамару Степановну и продемонстрирую ей состояние вверенного тебе инвентаря.

Кирилл шумно, со свистом втянул носом воздух.

— Ты надо мной издеваешься?

— Я тебя обучаю, Лебедев, — отчеканила я, доставая из кармана мятлый леденец и с хрустом раскусывая его пополам. — Обучаю полезным для выживания навыкам. Собирай шпатели. Время пошло.

К одиннадцати вечера бесконечный людской поток наконец начал иссякать. Скорые подкатывали реже, уличная суэта притихла, сменившись тяжелым, вязким ночным дежурным маревом. В отделении наступило хрупкое перемирие между врачами и больничной энтропией.

Я заглянула в ординаторскую хирургического блока, неся под мышкой увесистую пачку свежих историй болезни для закрытия первичных протоколов.

В комнате пахло крепко заваренным гранулированным чаем из эмалированного чайника со сколотым носиком, подогретой в микроволновке докторской колбасой и ветхими страницами многотомного руководства по оперативной хирургии. На продавленном кожаном диване вытянулся Паша, закинув гудящие ноги на подлокотник и блаженно прикрыв глаза свернутой марлевой салфеткой. За круглым столом двое молодых травматологов-интернов вполголоса спорили над полуразобранной шахматной партией.

Кирилл Лебедев сидел на широком мраморном подоконнике у приоткрытой форточки.

Он успел избавиться от синей парусиновой куртки, оставшись в своем черном итальянском джемпере. Рукава были закатаны, открывая гладкие предплечья, а сам мажор усердно, с остервенением полировал шелковым уголком платка золотой циферблат своих наручных часов Патек Филипп. Рядом на подоконнике сиротливо лежали сложенные вдвое казенные штаны. Свои ладони парень явно оттирал с хозяйственным мылом, пытаясь стереть малейшее воспоминание о заклинившей каталке, рассыпанных шпателях и моем ледяном диагнозе.

Ему жизненно требовалось вернуть пошатнувшееся реноме столичного альфа-самца в глазах коллег.

Кирилл сделал глоток остывшего чая из граненого стакана, поморщился с таким выражением, будто хлебнул сыворотки против столбняка, и громко, с подчеркнутой светской ленцой заговорил, обращаясь к шахматистам.

— Знаете, господа эскулапы, ваш стационар — восхитительный полигон для съемок антиутопии. Условия каторжные, техника доисторическая, а персонал окончательно одичал от переработок. Взять хотя бы эту вашу Валерию. Держится так, словно ей дежурная корона потолок царапает. Типичный защитный панцирь провинциальной гордости. В нормальном столичном заведении на Патриарших такая девочка через пятнадцать минут за моим столиком мурлыкала бы от восторга, выпрашивая устрицы, поездку на спорткаре и приглашение на закрытый показ.

Паша, не снимая марлевой салфетки с глаз, издал короткий смешок.

— Лебедев, умерь фантазию. У нашей Лерочки от морепродуктов начинается аллергический отек Квинке, а от самовлюбленных бездельников — рефлексорный спазм желудка. Так что не советую испытывать крепость ее брони, рискуешь остаться без зубов и без диплома.

Кирилл снисходительно хмыкнул, закидывая ногу на ногу и демонстрируя безупречную ткань брюк.

— Брось, Павел. Любая крепость сдается, все упирается исключительно в правильную осаду и бюджет операции. Девчонки из спальных районов устроены одинаково просто. Пара широких красивых жестов, правильный ресторан с видом на ночной город, гигантский букет и уверенный в себе мужчина. Ровно через неделю эта неприступная фурия будет дежурить под дверями моего пентхауса, забыв про свои ампулы и капельницы. Спорим на что угодно?

Глава 4

Я сделала шаг вперед и с глухим, громоподобным стуком опустила пачку историй болезни прямо на полированный стол перед шахматной доской.

Фигуры на клетчатом поле подпрыгнули, деревянный белый конь с треском повалился набок. Травматологи мгновенно замолчали, торопливо уставившись в записи. Паша сдернул салфетку с лица и сел на диване с видом человека, купившего билет в первый ряд партера.

Я скрестила руки на груди, глядя прямо в самодовольное лицо мажора.

— Твое драгоценное мужское внимание, интерн Лебедев, в этом отделении не стоит даже использованного рулона одноразовых простыней. А твои сказки про легкие победы оставь для глупых первокурсниц финансовой академии.

Кирилл вздрогнул, но тут же расправил плечи, спрыгнул с подоконника и попытался натянуть свою фирменную полуулыбку с легким прищуром.

— О, Валерия. Подслушивать чужие разговоры не слишком профессионально. Я всего лишь объяснял коллегам, что за твоей колючей маской прячется ранимая душа, которой просто не хватает заботы сильного мужчины.

Я сделала еще один шаг, сокращая дистанцию до полуметра. В воздухе между нами остро столкнулись запах моего мятного леденца и его дорогой цитрусовый парфюм.

— Сильный мужчина в приемном покое, Лебедев, определяется умением держать в руках уборочный инвентарь, а вовсе не способностью чесать языком в ординаторской. Третья смотровая. Там только что закончили вскрытие обширной флегмоны бедра у доставленного со стройки рабочего. Санитарка ушла помогать на пищеблок. Оцинкованное ведро стоит в тамбуре, трехпроцентный раствор хлорамина найдешь в белой канистре, желтые резиновые перчатки лежат на полке. Пол, инструментальный столик и смотровая кушетка должны блестеть до скрипа. Лично проверю каждый угол стерильным ватным тампоном ровно через сорок минут.

Лицо Кирилла мгновенно потемнело, благородная бледность сменилась багровыми пятнами ярости. Голос его сорвался на глухое шипение.

— Я дипломированный врач! Я окончил академию с отличием! Я не нанимался убирать гной за вашими маргиналами!

Я посмотрела на его чистые брюки, потом на дверь смотровой. Он перехватил мой взгляд и торопливо одернул джемпер.

— Ты интерн на штрафной практике без права голоса и привилегий. Либо через тридцать секунд ты надеваешь перчатки и отправляешься драить смотровую, либо прямо сейчас Тамара Степановна подписывает акт об открытом неповиновении и срыве работы дежурной смены. К утреннему обходу твой отец лично ознакомится с приказом об отчислении. Выбирай, покоритель женских сердец.

В ординаторской раздался дружный, громогласный хохот врачей. Даже тихие интерны-шахматисты не выдержали, от души ударив ладонями по столу.

Кирилл задохнулся от бессильной злобы. Понимая, что загнан в глухой угол, он с грохотом распахнул дверь, вылетел в темный коридор и со всей дури пнул попавшуюся под ногу пустую пластиковую коробку из-под шприцев.

Следующие сорок минут стали для наследника медицинской империи настоящим чистилищем.

Я дважды проходила мимо дверей третьей смотровой. Из полуоткрытого проема доносился удушливый, едкий пар хлорамина, заставлявший слезиться глаза даже на расстоянии нескольких метров. Внутри, яростно чертыхаясь и шумно шмыгая носом, мажор сдирал деревянной шваброй грязные разводы с серого кафеля. Желтые резиновые перчатки безбожно жали его длинные пальцы, оцинкованное ведро гремело о ножки кушетки, парусиновые казенные штаны промокли на коленях, а сам Кирилл выглядел так, будто проклинал тот день, когда впервые сел за руль автомобиля.

Ровно в полночь его первая штрафная смена подошла к концу.

Кирилл выскочил из смотровой с мокрыми по локоть руками, бросил ведро в подсобку и метнулся в душевой блок санпропускника. Через пятнадцать минут он уже торопливо шел к выходу, переодевшись в свое кашемировое пальто. На пороге мажор даже не обернулся, пулей вылетев сквозь автоматические двери в сырую ночную тьму.

Я почувствовала, как гудят натруженные ноги. Дежурство продолжалось, до утра оставалось еще добрых восемь часов, но воздух в отделении стал тяжелым и душным.

Накинув на плечи теплую шерстяную служебную жилетку и прихватив кружку со свежим кипятком, я толкнула тяжелую металлическую дверь служебного выхода и ступила на бетонный пандус для заезда карет скорой помощи.

На улице шумел мелкий, холодный дождь. Капли звонко барабанили по жестяному навесу надо мной, наполняя воздух сыростью и спасительной прохладой. Я сделала глубокий вдох, ощущая, как легкие наконец очищаются от запаха медикаментов и хлорамина.

Внезапно ночную тишину больничного двора разорвал свирепый, низкий, раскатистый рев мощного форсированного двигателя. Звук был настолько плотным и тяжелым, что оконные стекла в цоколе мелко задребезжали.

Из-за чугунных ворот клиники, взметая веера грязных брызг из луж, на служебную парковку вылетел приземистый хищный силуэт. Спортивный автомобиль цвета темного мокрого графита скользнул по мокрому асфальту в управляемом заносе и замер в двух метрах от шлагбаума, ослепив желтую будку охранника хищными диодными фарами.

Порше Панамера. Новейшая модель с широкими крыльями, карбоновым спойлером и золотистым гербом на длинном покатом капоте.

Тонированное стекло со стороны водителя плавно опустилось. В салоне горела мягкая неоновая подсветка, басили дорогие низкие частоты клубного трека. За рулем сидел моло-

дой мужчина в расстегнутом дизайнерском пиджаке поверх шелковой футболки, с короткой стрижкой и толстой дымящейся сигариллой в зубах.

Богдан. Лучший друг Кирилла по закрытым автогонкам, чье наглое лицо я не раз видела в скандальных хрониках столичных аварий.

В этот момент из стеклянных дверей приемного покоя торопливо вышел сам Кирилл. Сгорбленный, с поднятым воротником пальто, пряча ладони в карманы, он спешил к выходу с территории больницы.

Богдан высунул руку с сигариллой в открытое окно и залился громким, лающим, издевательским хохотом на весь двор.

— Здорово, доктор Хаус! — прокричал он сквозь шум дождя. — Боже, Лебедев, от тебя даже через закрытое стекло хлоркой несет за версту! Что с лицом? Неужели грозу столичных красоток опустили до уровня поломоечной машины?

Кирилл подбежал к машине, нервно озираясь по сторонам, и с силой хлопнул ладонью по мокрому крылу спорткара.

— Заткни пасть, Богдан! Хватит ржать! Там не больница, там настоящий концлагерь! Особенно одна девка. Медсестра. Соколова. Наглая, ядовитая хамка в темно-синей робе. Построила меня перед всеми врачами, заставила руками отмывать гнойную палату! Я думал, разорву ее прямо на месте!

Богдан запрокинул голову, давясь хохотом так, что пепел с сигариллы посыпался прямо на кожаную обшивку двери.

— Наш альфа-самец сломался об обычную медсестричку! Лебедев, ты потерял хватку! Без папиной золотой карты и без ключей от тачки ты оказался пустым местом! Признай, Кирюха, ты перед ней абсолютный ноль!

Слова друга хлестнули по Кириллу сильнее любого санитарного рапорта. Я видела с высоты пандуса, как выпрямилась его спина, как побелели костяшки пальцев, сжавшихся на кромке окна.

— Я ноль? — прорычал Кирилл глухим, яростным голосом. — Да я эту выскочку сломаю так, что она у меня с рук есть будет! Через месяц она будет умолять меня о встрече, забыв свою больничную спесь!

Богдан прищурился. На его лице мелькнул холодный, азартный расчет сытого хищника, ищущего острого развлечения. Он полез во внутренний карман пиджака, извлек увесистый фирменный брелок с золотым гербом и демонстративно покрутил его на пальце перед носом Кирилла.

— Слова дешевые, Лебедев. Докажи поступком. Вот ключи от моей новой Панамеры. Муха не сидела, полный фарш, карбоновый обвес. Ставлю эту тачку против твоего заряженного Мерседеса. Пари простое как дважды два. Ровно тридцать дней. Если ты выдержишь тридцать дней под началом этой мегеры, не сбежишь к папочке с соплями и заставишь эту злюку подчиниться тебе — забираешь мою ласточку без единого вопроса. Но если ты сольешься, запросишь пощады или вылетишь с треском — ключи от твоего тюнингованного зверя переходят ко мне, а видеозапись твоего ночного позора со шваброй облетит все закрытые каналы столицы.

Кирилл замер. Он смотрел на сверкающий брелок в пальцах друга, жадно глотая холодный воздух. В его глазах полыхнул безумный, отчаянный огонь уязвленного эго.

— Тридцать дней? — переспросил Кирилл.

— Ровно тридцать дней, — усмехнулся Богдан. — Таймер пошел прямо сейчас.

Кирилл резко подался вперед и со всего размаха ударил раскрытой ладонью по ладони друга. Звонкий хлопок разнесся по бетонному двору, заглушая шум дождя.

— По рукам! — отчеканил Лебедев. — Готовь документы на свою Панамеру, Богдан. Через тридцать дней я заберу твою машину, а эту строптивую девку научу уважать настоящих мужчин.

Богдан довольно осклабился, достал смартфон и принялся быстро набивать текст в светящемся экране, фиксируя условия пари в закрытом групповом чате их тусовки. Затем нажал на педаль газа. Мощный мотор взревел, колеса спорткара провернулись на мокром асфальте с дымным визгом, темный силуэт сорвался с места и исчез за чугунными воротами, оставив после себя запах жженой резины.

Кирилл поправил воротник пальто, сплюнул под ноги и быстрым шагом направился в сторону проспекта.

Я стояла в тени бетонного козырька пандуса, не шевелясь. Кружка в моих пальцах остыла, мелкие капли дождя охладили лоб, на губах медленно расплзалась холодная, опасная улыбка.

Так вот оно что.

Избалованные столичные мальчишки решили поразвлечься. Заключили пари на элитные спорткары, выдержит ли сынок магната тридцать дней больничной дисциплины под моим началом. Он решил превратить мое отделение в арену для спасения своего мужского самолюбия.

Я сделала маленький глоток остывшего чая и тихо выдохнула в сырую темноту.

— Ну что, доктор Лебедев. Ты хотел тридцать дней? Обещаю, ты запомнишь каждый из них до конца своих дней.

Глава 5

Утро понедельника встретило нас редким для поздней осени холодным солнечным светом. Косые лучи пробивались сквозь вымытые окна вестибюля, высвечивая танцующие в воздухе пылинки и свежие влажные полосы от швабры на сером кафеле. Приемный покой только что пережил шумную утреннюю пятиминутку, отделение входило в привычный ритм нового рабочего дня. Пахло крепким чаем, свежевывглаженным казенным хлопком и неизменным дезинфицирующим раствором.

Я сидела за своим постом, методично разбирая утренние журналы и маркируя пластиковые пробирки для забора венозной крови. На мне был чистый, темно-синий рабочий костюм, волосы были туго стянуты на затылке в строгий узел, в нагрудном кармане блеснул верный синий маркер. В висках еще оставалась легкая тяжесть после бессонных выходных, но привычный ментоловый леденец за щекой помогал держать рабочую концентрацию.

Внезапно размеренный больничный шум оборвался громкими, удивленными возгласами у центрального входа.

Раздвижные двери разъехались в стороны, внутрь, тяжело дыша и сгибаясь от непомерной тяжести, протиснулся вспотевший курьер в ярко-зеленой форменной куртке службы экспресс-доставки. В руках он держал нечто воистину колоссальное, закрывавшее его фигуру почти целиком.

Это была огромная плетеная корзина из светлой ивы, доверху наполненная отборными голландскими розами редкого, пудрово-кремового оттенка. Ровно пятьдесят один цветок на тяжелых метровых стеблях с сочными темно-зелеными листьями и тугими бутонами величиной с кулак взрослого мужчины. Лепестки были сплошь усыпаны блестящими каплями свежей оранжерейной росы. Густой, пьянящий, приторно-сладкий аромат роскошных цветов мгновенно затопил вестибюль, напрочь вытесняя въедливый запах карболки на добрый десяток метров вокруг.

Курьер опустил эту тяжелую цветочную клумбу прямо на край моей регистрационной стойки, шумно вытер рукавом лоб и растерянно огляделся по сторонам.

— Валерия Соколова здесь принимает? Распишитесь за доставку особо ценного груза.

Процедурная сестра Катя выронила из рук металлическую коробку со стерильной ватой, всплеснула ладонями и восторженно взвизгнула на весь коридор.

— Лерочка, мамочки мои родные! Это же настоящие эквадорские розы! Пятьдесят штук! Нет, больше полусотни! Господи, да они же стоят как годовой абонемент в самый элитный фитнес-клуб столицы! Кто это тебя так задаривает?

Из кабинета старшей медсестры неторопливо вышла Тамара Степановна. Она смерила оранжерею тяжелым, инквизиторским взглядом из-под очков и недовольно поморщилась, скрестив могучие руки на груди.

— Это еще что за ботанический сад на путях пожарной эвакуации? У нас скорпомощной стационар или филиал ритуального агентства на выезде? Немедленно убрать это безобразие с прохода.

Я молча поставила закорючку в электронном терминале курьера. Тот облегченно кивнул, подхватил пустую сумку и торопливо выскочил на улицу.

Из самой середины роскошного букета выглядывал плотный конверт из тисненой кремовой бумаги. Я двумя пальцами подцепила карточку, извлекла ее на свет и развернула. Внутри ровным, летящим мужским почерком было выведено всего две строчки.

Валерии от интерна, готового объявить перемирие. Жду сегодня в двадцать ноль-ноль на крыше панорамного ресторана.

Я медленно опустила карточку на стол. Мое сердце даже не екнуло. В памяти вспыхнул ночной рев спортивного двигателя у шлагбаума, золотой брелок в пальцах Богдана и самовольный оскал Кирилла. Значит, мажор решил начать операцию по взятию крепости с классического букета и пафосного ресторана. Он искренне полагал, будто любая работающая девушка растает от вида дорогих цветов и забудет про растоптанное человеческое достоинство ради красивого вечера.

Словно подгадав момент максимального зрительского внимания, из ординаторской плавной походкой победителя появился сам виновник торжества.

Сегодня на Кирилле Лебедеве не было мешковатой робы хозчасти. Каким-то непостижимым образом за выходные он раздобыл безупречный медицинский халат из плотной, хрустящей белоснежной ткани, сшитый по индивидуальным меркам у дорогого портного. Ткань сидела на его широких плечах как влитая, верхняя перламутровая пуговица была небрежно расстегнута, из нагрудного кармана выглядывала позолоченная мембрана немецкого фонендоскопа, на ногах мягко поскрипывали мягкие кожаные туфли ручной работы.

От него пахло свежим цитрусовым одеколоном, успехом и абсолютной уверенностью в собственной неотразимости.

Кирилл неспешно подошел к стойке, грациозно оперся локтем о перегородку прямо возле корзины с розами и одарил меня своим самым вкрадчивым, бархатным взглядом с легким прищуром.

— Доброе утро, Валерия, — произнес он мягким, глубоким баритоном, от которого стоявшие у соседней двери санитарки дружно затаили дыхание. — Надеюсь, цветы помогут скрасить унылую серость этих казенных стен. Я подумал о нашей пятничной перепалке. Мы оба немного погорячились. Предлагаю обнулить счетчики и начать общение с чистого листа. Сегодня вечером за тобой заедет машина. Ужин на открытой террасе с панорамой на вечернюю Москву, живой джаз, изысканные блюда и нормальный разговор двух взрослых людей без запаха лекарств. Как тебе такое предложение?

Катя за стойкой прижала ладони к щекам, едва сдерживая стон зависти. Молодые медсестры из травматологии высунулись в дверной проем, пожирая мажора восхищенными глазами. Казалось, любая нормальная женщина на моем месте должна была смутиться, покраснеть до корней волос и благодарно кивнуть.

Я посмотрела Кириллу прямо в глаза.

Он кивнул на конверт, ожидая ответа. Я положила карточку приглашением вниз и освободила край стойки от журнала.

Я медленно поднялась со стула. Взялась обеими руками за крепкие плетеные ручки гигантской корзины. Кирилл самодовольно ухмыльнулся, уже приподнимая руку, явно намереваясь по-хозяйски коснуться моего плеча.

Но я даже не повернула головы в его сторону.

Обойдя вытянутую руку Кирилла, я понесла полутораметровую охапку роз через весь вестибюль прямо в угол холла. Туда, где возле подсобного помещения стоял большой синий пластиковый бак дежурной санитарки тети Клавы.

Бак был до половины наполнен свежеприготовленным, густым, мутно-серым раствором трехпроцентного хлорамина для дезинфекции уборочного инвентаря. На поверхности химической жижи лениво переливалась ядовитая белесая пена, распространяя вокруг удушливый запах хлорной извести.

Не сбавляя шага, я подняла корзину над головой, решительно перевернула ее вверх дном и со всего размаха погрузила роскошные голландские розы бутонами прямо в мутную дезинфицирующую жижу.

Раздался тяжелый, смачный, хлюпающий звук.

Серая едкая пена жадно облепила нежные пудровые лепестки. Тонкие бутоны с хрустом сминались под тяжестью раствора, стебли жалобно трещали, химический концентрат мгновенно разъедал тонкую ткань цветов, превращая сорок тысяч рублей в уродливый, мокрый, дурно пахнущий серый ком.

В приемном покое наступила оглушительная, парализующая тишина.

У Кати отвисла челюсть. Проходивший мимо с чайником дядя Гриша поперхнулся воздухом и замер с выпученными глазами. Паша в дверях смотровой медленно сполз по косяку вниз, беззвучно хватаясь за сердце от переизбытка чувств.

Кирилл Лебедев застыл у стойки, превратившись в соляной столб. Его выхолненная светская улыбка сползла с лица, обнажая гримасу абсолютного, дикого, первобытного шока. Он смотрел на торчащие из мутного бака обломанные стебли так, будто я только что совершила публичную казнь его фамильного герба.

Я достала из кармана салфетку и вытерла пальцы. Кирилл следил за каждым движением, ожидая, что я сейчас брошу спасать цветы. Я вернулась к регистрационной конторке.

Мой голос прозвучал сухо, четко и убийственно громко, раскатываясь по замершему отделению.

— Пункт два точка четыре действующих санитарно-эпидемиологических правил и нормативов для скорпомощных стационаров, интерн Лебедев. Нахождение срезанных живых растений в помещениях экстренного приемного покоя категорически запрещено. Это мощнейший рассадник бактериальной флоры, источник спор серой плесени и опасный аллерген для поступающих пациентов с бронхоспазмом. Санэпидемстанция тебе вовсе не ботанический сад. Да и я никогда не стану твоей клубной содержанкой с Патриарших прудов.

Кирилл судорожно, со свистом втянул ртом воздух. Кровь отлила от его лица, сделав его смертельно бледным.

— Ты... ты больная на всю голову?! Они стоят сорок тысяч рублей! Это редкий сорт, их везли самолетом!

Я взяла со стола увесистую стопку медицинских документов в толстой картонной папке, скрепленной металлическим канцелярским зажимом. Шагнула к мажору вплотную и с размаху припечатала эту тяжесть прямо ему в грудь.

С еще не просохшего верхнего направления фиолетовые чернила штампа приемного отделения отпечатались на ослепительно-белой ткани его эксклюзивного докторского халата.

— А вот это, интерн Лебедев, стоит неизмеримо дороже твоих сорока тысяч. Это человеческие жизни. Держи. Направления на ультразвуковое исследование органов брюшной полости и контрольную рентгенографию. Ровно пять человек. Все лежащие, послеоперационные, тяжелые. Двое с множественными переломами после падения со строительных лесов, один с острым перитонитом и двое с нестабильным артериальным давлением после тяжелых травм.

Кирилл машинально прижал папку к груди, глядя на меня ошалелыми глазами.

— Грузовой лифт в хирургическом корпусе встал на плановое техническое обслуживание до четырнадцати ноль-ноль, — продолжила я с ледяной невозмутимостью. — Твоя прямая служебная обязанность на сегодня — взять каталку номер четыре и вместе с дядей Гришей транспортировать всех пятерых пациентов по крутому наклонному пандусу на второй этаж. И смотри, Лебедев, не урони никого на поворотах. Если с аппаратуры хоть пылинка упадет, твой папа будет лично покупать больнице новый перевозочный монитор. Время пошло, доктор. Каталка ждет тебя в тупике.

Кирилл перевел очумелый взгляд с фиолетового пятна на своем белоснежном халате на дальний угол, где из мутной пены хлорамина торчали изуродованные стебли голландских роз, а затем на серый коридор.

Там, в полумраке у рентгеновского кабинета, зловеще поблескивала хромированными боками чугунная каталка номер четыре с кривым колесом.

Я видела, как в его серо-голубых глазах вспыхивает глухое, беспомощное отчаяние. До него наконец начало доходить, во что именно он ввязался той дождливой ночью у шлагбаума.

Тридцать дней пари на Порше Панамера, казавшиеся легкой прогулкой, только что захлопнулись над ним тяжелой чугунной крышкой больничного люка.

Глава 6

В следующую субботу в приёмном покое пахло прелыми бахилами у входного тамбура, выдохшимся раствором хлорамина и дешёвым яблочным освежителем, которым санитарка тётя Клава безуспешно пыталась заглушить стойкий больничный дух. Настенные часы над регистрационной стойкой показывали ровно восемь. Стрелка дёргалась с мерзким жестяным щелчком, отсчитывая удары по моим собственным натянутым нервам.

Я стояла у высокого деревянного барьера поста, прижав к груди увесистую папку с журналами передачи смены. Мои пальцы в тонких смотровых перчатках уже успели вспотеть. Ноги в растоптанных белых сабо гудели после вчерашнего вечера, впереди маячили полновесные двадцать четыре часа суточного дежурства.

— Соколова, ты живая там? — из ординаторской высунулся Паша. Наш молодой хирург потирал заросший колючей щетиной подбородок и с тоской разглядывал пустую эмалированную кружку. — Там в третьей смотровой дедушка с подозрением на панкреатит лежит, в процедурку уже очередь растянулась. Ты своего ненаглядного подопечного видеда? Или столичная птица решила прогулять каторгу?

— Перестань каркать, Паша, — отозвалась я, даже не поднимая головы от раскладки бланков. — Придёт. Куда он денется с подводной лодки, когда у него приказ главного врача на столе лежит. Лучше иди больного смотри, пока Тамара Степановна не увидела твою сонную физиономию.

Дверь центрального входа с шумом распахнулась, впуская в коридор сырой сквозняк октябрьской мороси и тяжёлый стук подошв.

Я медленно подняла глаза.

По коридору широким хозяйским шагом двигался Кирилл Лебедев. За первую неделю он успел слегка видоизменить свой гардероб. Вместо ослепительно белых дизайнерских кед, испачканных в первый же вечер, на его ногах красовались синие резиновые шлёпанцы, надетые прямо на плотные тёмные носки. Медицинский костюм цвета глубокого ультрамарина сидел на нём безупречно, словно его шили на заказ в дорогом ателье. Широкие плечи, ровная осанка, гладко выбритый подбородок и привычное выражение снисходительной уверенности на поролистом лице. Он держался так, словно сходил по трапу личной яхты где-то у берегов теплого моря.

Его серо-голубые глаза скользнули по облупленным крашеным панелям коридора, по бледным лицам утренних пациентов и остановились на мне. На тонких губах мгновенно расцвела та самая фирменная улыбка, от которой девушки должны были падать в обморок.

— Доброе утро, наставница, — произнёс он бархатным баритоном, опираясь ладонью о край регистрационной стойки. Золотые швейцарские часы с его запястья исчезли. На груди болтался казённый пластиковый бейдж с криво напечатанной надписью «Интерн Лебедев К. Р.». — Надеюсь, ты успела соскучиться? Я провёл великолепную ночь, изучая фармакологию, полон решимости избавить этот благословенный дом скорби от налёта провинциальной дремучести.

— Лебедев, убавь громкость, — сухо бросила я, щелкнув пружиной синей шариковой ручки. — Мы в приёмном отделении. Вон ту очередь вдоль стены видишь?

Кирилл скосил взгляд в сторону процедурного кабинета. Там, у закрытой двери с матовой стеклянной вставкой, уже переминались с ноги на ногу первые утренние ласточки. Бледный тучный мужчина лет пятидесяти с серым землистым лицом, судорожно прижимавший кулак к правому подреберью. Нервная дама в каракулевом берете с кипой направлений на плановую госпитализацию. Двое помятых парней со сбитыми костяшками после весёлой ночи в спальном районе.

— Шесть человек на забор венозной крови, — продолжила я, вкладывая в его ладонь пачку бумажных бланков. — Курьер из экспресс-лаборатории приедет ровно в восемь двадцать. Опоздаем хоть на минуту, машина уедет по маршруту, эти люди будут сидеть голодными до полудня, пока вторая смена лаборантов не проснётся. Плановые операции встанут. Вопросы есть?

Кирилл хмыкнул, перебирая плотные листы направлений длинными ухоженными пальцами.

— Соколова, ты говоришь с человеком, который шесть лет слушал лекции ведущих академиков на кафедре госпитальной терапии. Взять кровь из вены и расставить пробирки по ячейкам — простейшая задача. Оставь свои нотации первокурсникам училища. Давай сюда ключ от кабинета. Я покажу тебе европейский класс работы.

Я прищурилась, чувствуя, как внутри закипает горячая волна раздражения. Больше всего на свете я не любила этих сытых мальчиков с золотыми ложками во рту. Они приходили в нашу пропахшую потом реальность с видом скучающих богов, уверенные, что любая рутина крутится сама собой.

— Держи ключ, светило науки, — я опустила холодный металл в его раскрытую ладонь. — Кровь берёт Катя. Твоя работа — направления и штативы. — Манипуляционный столик подготовлен. Штативы в правом шкафу. Перчатки твоего размера на второй полке. И смотри, ничего не перепутай.

— Обижаешь, Валерия, — он подмигнул мне с таким апломбом, что у меня свело скулы, крутанул на резиновых подошвах и скрылся за дверью процедурной.

Я выждала ровно семь минут, чтобы зарегистрировать поступившего по скорой сердечника, отдала распоряжения тёте Клавье насчет свежей ветоши и торопливым шагом направилась следом. Моё сестринское чутьё буквально кричало о приближающейся беде.

Когда я толкнула дверь процедурной, картина внутри превзошла мои худшие ожидания.

Кабинет заливал резкий белый свет люминесцентных ламп. На манипуляционном столике из матовой нержавеющей стали царил полный разгром. Катя закончила забор и отошла с последним пациентом к умывальнику. Остальные сидели на деревянных стульях вдоль стены, зажимая локтевые сгибы ватными шариками; посреди кабинета суетился наш столичный гений.

Кирилл успел натянуть латексные перчатки, они сползли с его взмокших пальцев. На лбу мажора блестели мелкие капли пота. Вокруг металлического штатива веером лежали раскиданные пластиковые вакутайнеры — цилиндрические пробирки с цветными резиновыми крышками.

И тут мой взгляд упал на эти самые крышки.

В моих висках глухо стукнуло. Внутри всё похолодело.

Кирилл в лихорадочной спешке сгребал пробирки со столика и наклеивал узкие бумажные полосы со штрихкодами прямо поверх прозрачного пластика. Наклеивал вслепую, даже не глядя на формуляры направлений.

В ячейках штатива в диком беспорядке торчали вперемешку пробирки с фиолетовыми и красными резиновыми пробками.

Любой медик знал эту цветовую азбуку наизусть. Пробирки с фиолетовыми крышками содержали соли этилендиаминтетрауксусной кислоты — антикоагулянт, сохраняющий цельную кровь для развёрнутого клинического анализа. Пробирки с красными крышками были предназначены строго для биохимических исследований сыворотки.

Мажор свалил их в одну кучу. Для него это были просто одинаковые разноцветные колбочки.

— Какая разница, — бормотал он себе под нос, отрывая очередной штрихкод прямо сквозь латекс перчатки. — В лаборатории сидят тётки с анализаторами, прибор сам всё распределит. Главное — успеть до прихода курьера.

Он сделал резкое нервное движение локтем, пытаясь дотянуться до дальнего края столика.

Широкий рукав его модного костюма зацепил стоявший у самого бортика стеклянный флакон с кожным спиртовым антисептиком и мягкий пластиковый пакет с физраствором, приготовленным для промывания систем.

Раздался глухой стук.

Тяжёлый стеклянный флакон опрокинулся. Пластиковая пробка вылетела, едкая спиртовая жидкость хлынула по полированной стали широкой пенящейся волной. Следом, придавленный флаконом, лопнул пакет с физраствором. Солёная прозрачная вода смешалась со спир-

том, мгновенно затопляя разложенные бумажные бланки направлений с гербовыми синими печатями врачей.

Фиолетовые чернила штампов потекли за секунду, превращая фамилии пациентов, номера полисов и строчки диагнозов в грязные размытые кляксы.

— Чёрт! — рывкнул Кирилл, отскакивая назад и едва не поскользнувшись в шлёпанцах. — Откуда здесь столько воды?!

В этот самый момент входная дверь процедурной распахнулась настежь, ударившись о стену резиновым упором.

На пороге возник Степан Ильич. Наш бессменный курьер клинической лаборатории, вечно хмурый мужик в брезентовой куртке поверх халата, с массивной изотермической сумкой через плечо. Он окинул кабинет тяжёлым взглядом из-под кустистых седых бровей и постучал ногтем по циферблату старых часов.

— Приёмное, кончай волюнку! — просипел Степан Ильич. — Восемь двадцать две. У меня машина у погрузочного пандуса копит. Если через минуту не отдадите штатив, я уезжаю на третий корпус. Будете сами пешком по морозу свои пробирки таскать. Где кровь?

Кирилл, окончательно потеряв голову от паники, схватил металлический штатив, из которого торчали мокрые перепутанные вакутайнеры. Снизу капала мыльная жижа.

— Вот, держите! — выпалил мажор, протягивая штатив к сумке курьера. — Здесь все шесть человек, биохимия и общий анализ, всё готово!

Степан Ильич уже расстегнул молнию сумки и протянул ладонь навстречу штативу.

Ещё секунда — и анализы уехали бы в лабораторию.

Глава 7

Моё тело сработало на чистых рефlekсах.

Я метнулась вперёд. Моя рука в перчатке с силой врезалась между растопыренными пальцами Кирилла и раскрытым нутром курьерской сумки. Я буквально вырвала металлический штатив из рук мажора, перехватив его за перекладину, резко завела себе за спину.

— Степан Ильич, доброе утро, — я встала между курьером и Кириллом. Степан Ильич снова потянулся к штативу; я удержала его за спиной. — Сделайте одолжение, подождите три минуты в коридоре. Тётя Клава только что поставила свежий чайник на посту, там пряники мятные лежат, угощайтесь. У нас тут экстренное дополнение по больному из третьей смотровой, Паша дописывает профиль ферментов. Ровно три минуты. Лично вынесу к машине.

Курьер прищурился, посмотрел на мокрый столик, на перекошенное бледное лицо Кирилла и вздохнул.

— Три минуты, Валерия. Ровно три. Потом пешком побежите.

Степан Ильич вышел, прикрыв за собой тяжёлую створку.

Как только в коридоре стихли его шаги, я повернулась, опустила штатив на край сухой тумбочки и повернула круглую металлическую защёлку замка на двери.

Щёлк.

Звук получился сухим и грозным, похожим на щелчок ружейного курка.

Воздух в процедурной мгновенно загустел. Пациенты на стульях замерли, боясь пошевелиться. Они почувствовали ту ледяную бурю, которая поднималась во мне с каждым ударом пульса.

Я медленно подошла к манипуляционному столику. Кирилл стоял, вжав плечи, судорожно сжимая пальцы в мокрых перчатках. На его лице не осталось ни следа утренней спеси. Он был бледнее кафельной плитки на стене.

Я сделала шаг вперёд. Он был выше меня на две головы, шире в плечах, но сейчас этот столичный ловелас пятился назад, пока не упёрся поясницей в стеклянный шкаф с медикаментами. Стеклянные полки звякнули ампулами.

Я заглянула прямо в его расширенные зрачки. Мой голос опустился до тихого, свистящего шёпота. Этот тихий звук резал тишину страшнее крика.

— Ты хоть понимаешь, что ты сейчас натворил, дипломированный идиот?

Кирилл дёрнул кадыком.

— Соколова, я хотел быстрее, курьер торопил...

— Замолчи, — прошептала я, он мгновенно прикусил губу. — Молчи и слушай сюда. Ты перепутал направления и наклейки. Сейчас чужой результат мог уехать под фамилией вон того человека. Видишь его? Он сидит и ждёт, что мы ему поможем. Ошибка в таком бланке может обернуться неправильным лечением. Из-за твоей спешки. Из-за твоих барских замашек. Из-за того, что ты поленился прочесть надпись на крышке.

Каждое моё слово падало свинцовой тяжестью. Я видела, как с лица Кирилла сходит последняя краска. Его щёки покрылись серой мертвенной бледностью. Он шумно втянул воздух через нос, словно ему пережали горло. В его глазах мелькнул неподдельный ужас. Тот самый ужас взрослого человека, который стоял на краю пропасти и внезапно увидел дно.

Его пальцы мелко задрожали. Он попытался что-то сказать, губы шевельнулись, из горла вырвался лишь глухой хрип.

— Здесь городская больница скорой помощи, Лебедев, — продолжала я тем же безжалостным шёпотом. — Сюда люди приходят за спасением. Их жизни зависят от каждой пробирки, от каждого миллилитра раствора, от каждой строчки на бумаге. Если ты пришёл сюда строить из себя оскорблённого принца, собирай вещи и уходи прямо сейчас. Я сама пойду к главному врачу и оформлю твой отказ. Но если ты остаёшься здесь, ты забудешь свою фамилию. Забудешь свои дипломы. Ты станешь моими руками и моими глазами.

Я отступила на шаг, сорвала со стены рулон бумажных полотенец и с силой впечатала его в грудь Кирилла.

— Полотенца в руки. Насухо вытираешь манипуляционный столик от спирта и физраствора. Затем берёшь чистые бланки из среднего ящика. Садись за стол и лично от руки переписываешь все шесть направлений. Паспортные данные, номера полисов, отделения, диагнозы. Я буду диктовать. Катя сохранила временные номера на пробирках и журнал забора; сверяем с ними каждую фамилию. Что нельзя достоверно восстановить, заберём повторно. У нас осталось две минуты. Время пошло.

Кирилл судорожно сглотнул вставший в горле ком. На секунду мне показалось, что его гордость вспыхнет, что он сорвёт перчатки и вылетит вон. Воздух между нами дрожал от напряжения.

Но он остался.

Мажор опустил глаза, стиснул челюсти до желваков на скулах и согнулся над залитым столом.

Он работал яростно, молча, без единого стога. Бумажные полотенца жадно впитывали влагу. Его длинные пальцы сдирали испорченные бланки, оттирали сталь до скрипа, сбрасывая мусор в бак для медицинских отходов.

Затем он опустился на деревянный табурет, выдернул чистую стопку направлений и схватил мой синий перманентный маркер.

— Диктуй, — хрипло бросил он, не поднимая головы. Пальцы мажора сжали пластиковый корпус маркера.

— Смирнов Геннадий Васильевич, — чётко начала я, сверяясь с раскрытым журналом на тумбочке. — Год рождения шестьдесят восьмой. Полис тридцать три, сорок четыре, восемьдесят два. Фиолетовая крышка, клинический анализ крови.

Кирилл писал стремительно. Его почерк оказался чётким, аккуратным, ровным. Чернила маркера ложились на бумагу ясными строчками. Рука больше не дрожала. Он выводил цифры полиса, прижимал наклейку к пластику вакутайнера, опускал пробирку в правильное гнездо штатива и переходил к следующей.

— Дальше, — коротко бросал он.

— Васильева Нина Петровна. Биохимия, красная крышка. Глюкоза, мочеви́на, креатинин, билирубин.

Я диктовала, сверяясь с журналом Кати. Она стояла рядом и проверяла каждую восстановленную пару: направление и пробирку. В утреннем свете его лицо казалось застывшим. Прядь тёмных волос упала на лоб, но он даже не шелохнулся, чтобы смахнуть её. Спина под синей тканью натянулась струной. Он работал так, словно спасал собственную честь.

Когда в дверь громко постучали, Кирилл аккуратно воткнул последнюю шестую пробирку в гнездо с красной маркировкой, защёлкнул замок штатива и поднял на меня потемневшие глаза.

— Всё, — выдохнул он.

На часах было ровно восемь двадцать пять.

Я повернула защёлку замка и открыла дверь. На пороге стоял нахмуренный Степан Ильич.

— Ну что, закончили совещание? — проворчал курьер.

Я молча взяла со столика безупречно собранный штатив, где стояли сухие пробирки с чёткими штрихкодами, передала его курьеру. Поверх лежал аккуратный пакет с шестью заполненными бланками без единого пятна.

Курьер бегло заглянул в штатив, проверил верхний бланк, удивлённо присвистнул и поднял брови.

— Надо же. Красные отдельно, фиолетовые отдельно, бумага сухая. Умеете ведь работать. Счастливо оставаться.

Степан Ильич застегнул молнию и зашагал к выходу на пандус.

Дверь закрылась. В процедурном кабинете снова воцарилась тишина, прерываемая лишь прерывистым дыханием Кирилла.

Мажор сидел на табурете, уронив руки. Он стянул латексные перчатки и бросил их в урну. На пальце под надорванным латексом синело пятно от маркера.

Я подошла к столику и оглядела кабинет. Сталь сияла. Пол был чистым. Пациенты на стульях облегчённо переводили дух.

Кирилл поднял голову. В его серо-голубых глазах не осталось светской насмешки. Там читалась глухая усталость и сосредоточенность взрослого человека, выдержавшего первый настоящий экзамен.

— Запомнил цвет крышек, Лебедев? — тихо спросила я, пряча маркер в карман.

Он расправил плечи, выдохнул и кивнул.

— Фиолетовые — клиника. Красные — биохимия. До конца жизни запомнил, Соколова.

— Вот и славно, — я развернулась к выходу. — Мой руки и ступай в третью смотровую. Там Паша уже устал ждать. Дежурство только началось, доктор.

К полуночи приёмный покой окончательно превратился в кипящий смолой котёл. Осенняя сырость снаружи словно выдавливала весь накопившийся за неделю городской хаос прямо под наши белые люминесцентные лампы.

За широкими стеклянными дверями одна за другой тормозили желтобокие кареты скорой помощи. Синие проблесковые маячки полосовали мокрые стены коридора тревожными холодными вспышками. В тамбуре непрерывно хлопала тяжелая металлическая дверь, визжали резиновые колеса, голоса фельдшеров сливались в сплошной напряженный гул.

— Валерия, принимай вторую хирургию! — прокричал из конца коридора старший санитар дядя Гриша, торопливо затягивая тесемки клеенчатого фартука поверх куртки. — Меня наверх забирают, там на срочной лапаротомии держать крючки некому! Мажора своего к носилкам припрягай, пусть спину гнет, иначе зашьетесь тут до рассвета!

Дядя Гриша скрылся на лестничной клетке, оставив нас втроем. Паша метался между первой и третьей смотровыми, зашивая рваные раны и слушая легкие, а мы с Кириллом приняли на себя весь тяжелый входящий вал.

Глава 8

Следующие два часа стерлись для меня в бесконечную чугунную карусель.

— Лебедев, приемник! — кричала я на бегу, срывая с крючка свежие смотровые перчатки. — Шестая бригада привезла мужчину с гипертоническим кризом, давление двести двадцать, срочно на каталку и в палату интенсивной терапии!

Кирилл вылетал из смотровой без лишних слов. От утренней вальяжности в нем не осталось даже следа. Его синий медицинский костюм на спине потемнел от пота, на лбу прилипла мокрая прядь волос, но он больше не задавал вопросов и не кривил губы.

Транспортировка тяжелых носилок в нашем стационаре всегда была отдельным испытанием на прочность. Кареты скорой подъезжали к пандусу задом, фельдшеры распахивали задние створки, из темного чрева машины выдвигались тяжелые металлические салазки. Переложить с них крупного, обмякшего человека весом под сотню килограммов на нашу внутрибольничную каталку требовало железных жил.

— Взяли на счет три, — командовал Кирилл хриплым, сорванным голосом, подсовывая сильные руки под простыню в районе лопаток. — Раз, два, три, пошли!

Мы переваливали носилки, рама звенела от предельной нагрузки, Кирилл глухо кричал сквозь сжатые зубы, удерживая основной вес на себе. Его резиновые шлепанцы скользили по влажной плитке, икры сводило судорогой, но он держал. Переложив больного, он тут же хватался за поручни нашей знаменитой каталки номер четыре.

У этой старой четырехколесной машины переднее левое колесо заедало на каждом третьем метре. Чтобы заставить каталку повернуть в узкий дверной проем смотровой, Кириллу приходилось наваливаться на раму всем корпусом, толкая ее плечом и бедром. Металл визжал, колесо чертило по кафелю черные полосы, но мажор упрямо пер вперед, объезжая углы и штативы с точностью опытного грузчика.

— Держи систему! — крикнула я, забегая в смотровую следом за каталкой.

Мужчина на кушетке тяжело хрипел, хватаясь за ворот рубашки. Тонетр показывал запредельные цифры. Мне нужно было немедленно подключить инфузию с магниезией, пока сосуды головного мозга не дали сбой.

Мои пальцы дрожали. Третья ночная смена за неделю давала о себе знать. В глазах стоял сухой песок, поясница горела огнем. Я торопливо вскрыла прозрачный пластиковый пакет с раствором, потянулась к металлическому штативу, но рука предательски соскользнула с рифленого колесика регулятора.

Кирилл шагнул ближе, перехватил холодную трубку штатива своим плечом и свободной рукой потянулся помочь мне закрепить флакон.

— Давай я подержу, — быстро сказал он.

В спешке он слишком резко дернул защитный пластиковый колпачок капельницы. Тонкая игла соскочила с переходника. Упругая струя физраствора брызнула в сторону, обдав рукав его куртки и с шумом выплеснувшись на кафельный пол под нашими ногами. Соленая вода запенилась на белой плитке.

— Черт, сорвалось, — выдохнул он, ожидая от меня новой вспышки гнева.

Но злиться не было сил. Я лишь покачала головой, достала из лотка запасную стерильную иглу и показала ему пальцами на пластиковый зажим.

— Зажим вот здесь, — я показала ему ролик. Кирилл перекрыл трубку и ждал следующего указания. — Держи флакон, пока я заменяю систему.

Кирилл зафиксировал флакон с ювелирной точностью. Он держал флакон, пока я закрепляла новую трубку. Когда я потянулась за пластырем, он сам подставил свободный конец ленты. Я подключила новую систему, открыла регулятор, прозрачные капли побежали по трубке с ровной спасительной скоростью. Мужчина на кушетке протяжно выдохнул, напряжение в его лице начало спадать.

Мы переглянулись. Кирилл смахнул тыльной стороной запястья пот со лба, оставив на коже мокрый след от физраствора, и коротко кивнул. Без слов. Без насмешек. Это была чистая, слаженная работа в четыре руки, когда каждый понимает другого по малейшему движению век.

Но передышки нам никто не обещал.

В половине второго ночи за дверью второй смотровой раздался отборный мат и звон разбитого стекла.

— Соколова, глянь, что там! — крикнул из коридора Паша, занятый накладыванием швов пострадавшему в аварии. — Там буйного из парка привезли с рассеченной скулой, наряд полиции его сдал и уехал оформлять протокол!

Я выскочила в коридор и толкнула дверь второй смотровой. Кирилл шагнул следом за мной, словно тень.

На медицинской кушетке сидел грузный широкоплечий мужик лет сорока пяти в грязной спортивной куртке. Правая половина его лица была залита запекшейся кровью от глубокого рассечения над бровью, а изо рта разило удушливой смесью дешевой водки и ядовитого табачного перегара. На полу валялся сбитый лоток с использованными салфетками.

Мужик тяжело покачивался, глядя перед собой мутными налитыми кровью глазами.

— Слышь, медички! — прохрипел он, заведев меня. — Какого лешего меня сюда приволокли?! Вы мне пластырь наклепите и валите отсюда, уроды! Мне кореша на районе ждут!

— Сядьте прямо и успокойтесь, — жестко сказала я, подходя к манипуляционному столу и доставая ампулу с местным анестетиком. — У вас глубокая рана, нужно обработать края и наложить швы. Иначе начнется нагноение. Сидите смирно.

Я повернулась к столу спиной к пациенту, чтобы набрать раствор в одноразовый шприц. Мои плечи опустились от накопившейся усталости. Тонкие пальцы с трудом надламы-

вали стеклянную шейку ампулы. Я была уверена, что пьяный просто ворчит и никуда не дернется.

Это была моя ошибка.

Мужик с ревом вскочил на ноги. Кушетка со скрипом отлетела к стене. Он сделал два тяжелых шага вперед, вытянул лапищу и с размаху схватил меня сзади за воротник халата.

Ткань на моем левом плече с треском лопнула. Меня с силой дернуло назад, шприц вылетел из пальцев, звякнув о кафель.

— Ты кому тут указывать вздумала, пигалица?! — взревел дебошир, нависая надо мной своей перегарной тушей. Его свободная правая рука сжалась в пудовый волосатый кулак, готовый обрушиться мне на лицо. — Я те ща покажу швы, сука! Я те харю так разделаю...

Договорить он не успел.

Сзади метнулась темная тень. Воздух свистнул от яростного, стремительного движения.

Кирилл сорвался с места в один хищный, кошачий прыжок. Вся накопленная за смену усталость, вся боль в натруженных мышцах мажора испарилась в единую долю секунды.

Кирилл перехватил поднятое правое запястье хулигана и отвел кулак от моего лица. Второй рукой он сдернул с моего воротника левую кисть дебошира. Ткань выскользнула, и я отшатнулась к столику.

Мужик взвыл и попытался повернуться за мной, но Кирилл уже завел его правую руку за спину.

Но Кирилл не остановился. Он шагнул вперед, подставил колено, отсекая ноги противника, и второй рукой намертво впечатал тяжелое плечо дебошира в спинку кушетки. Раздался глухой удар о мягкий кожаный. Кирилл навалился сверху, прижав буяна к кушетке так, что тот не мог даже вздохнуть.

Лицо Кирилла оказалось в нескольких сантиметрах от перекошенной физиономии пьяницы. В серо-голубых глазах мажора горел такой холодный, беспощадный стальной огонь, что воздух в комнате словно заledenел.

— Руки убрал от сестры, — произнес Кирилл.

Его голос звучал негромко, глухо, но в нем звенела такая сокрушительная мужская угроза, от которой кровь стыла в жилах.

— Доктор сказал сидеть смирно. Значит, сидишь и дышишь через раз. Еще раз посмеешь дернуться в ее сторону или открыть пасть, я лично вправлю тебе челюсть без наркоза. Я ясно выразился?

Дебошир судорожно глотал воздух. Хмель мгновенно выветрился из его головы под воздействием дикой боли в заломленной кисти и ледяного взгляда стоящего над ним парня.

— Понял, командир... — захрипел мужик, часто и испуганно моргая. — Все понял, не ломай руку, больно же... Я смирно посижу...

Кирилл помедлил еще пару секунд, словно решая, стоит ли добавить весомости своим словам, затем брезгливо разжал пальцы и оттолкнул руку мужчины. Тот покорно сполз по спинке кушетки, подобрал ноги и уставился в пол, не смея поднять глаза.

Я стояла у столика, прижимая ладонь к разорванному вороту халата. Сердце колотилось в горле так, словно хотело пробить кожу. Дыхание перехватило. Я переводила ошеломленный взгляд с притихшего громилы на Кирилла.

Мажор тяжело дышал, его широкая грудь вздымалась под мокрой синей тканью. На его скулах пылали темные пятна адреналина, пальцы все еще были сжаты в крепкие кулаки. Он медленно провел рукой по взмокшим волосам, откидывая их со лба, и повернулся ко мне.

На мгновение наши взгляды встретились в абсолютной, звенящей тишине смотровой.

Я все еще держалась за разорванный ворот. Кирилл шагнул так, чтобы оставаться между мной и кушеткой, и только после этого спросил взглядом, цела ли я. Я кивнула. Рядом с ним можно было наконец разжать зубы и вдохнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.